что он сию комедию переправлял, в чем, пишете вы, и уличить меня можно. Я удивляюсь, государь мой, что вы, а не другой кто, вооружаетесь на комедию, которую я пишу[1] на пороки и почитаете критикою своего дома толпу развращенных людей, описываемых мною, и не нахожу сам никакого сходства между ею и вашим семейством. Я бы в оправдание свое сказал, что я никаких не имею причин на вас негодовать и описывать довольно уже известный ваш дом, но вы может быть, сыщите на то возражение; итак, чтобы оправдать себя и уничтожить ваши подозрения, я в малых строках желаю вам подать некоторое понятие о моей комедии.

Она состоит из главных четырех действующих лиц: мужа, жены, дочери и ее любовника. В муже вывожу я зараженного собою парнасского шалуна, который, выкрадывая лоскутки из французских и италианских авторов, выдает за свои сочинения и который своими колкими и двоесмысленными учтивостями восхищает дураков и обижает честных людей. Признаюсь, что сей карактер учтивого гордеца и бездельника, не предвидя вашего гнева, старался я рисовать столько, сколько дозволяет мне слабое мое перо; и если вы за то сердитесь, то я с христианским чистосердечием прошу у вас прощения. В жене показываю развращенную кокетку, украшавшую голову мужа своего известным вам головным убором, которая, восхищаяся моральными достоинствами своего супруга, не пренебрегает и физических дарований в прочих мужчинах. Действующее лицо их дочери и ее жениха есть любовники, которым старался я дать благородные чувства. Вы видите, есть ли хоть одна черта схожая с вашим домом. Прочие ж лица эпизодические и не стоят того, чтобы об них упоминать. По сим карактерам расположил я весьма обыкновенные любовные интриги, которые развязываются свадьбою любовников, чем и вся комедия кончится». . . и т. д.

Примерно в это же время Крылов написал еще одно письмо-памфлет к П. А. Соймонову, с 1789 г. заведывавшему театрами (вместе с А. В. Храповицким; раньше, до 1787 г. он был членом театрального комитета). Здесь шла речь, между прочим, и о «Проказниках»: «. . .Однакож еще не осмеливался я подумать, чтобы я был, а не сочинения мои причиною вашего гнева, и для того имел честь быть у вас и доложил я вам, не угодно ли вам будет принять на театр комедию мою Проказники, которая уже у вас некогда была, и вы мне дозволили ее напечатать, когда я находился под вашим начальством; а как вы мне сказали, что вы не помните

[1] На основании этого места Каллаш считает возможным отнести написание письма к тому времени, когда Крылов еще не кончил своей комедии, но слухи о ней уже распространились в литературном и театральном кружке (Полн. Собр. Соч. Крылова I, 259). Однако этому решительно противоречит дальнейший текст письма, в частности место, где говорится о людях, читавших уже комедию. К тому же список, с которого перепечатано письмо, едва ли авторитетен, и здесь, в слове «пишу» может быть ошибка. Наконец, может быть, это просто не вполне удачный оборот. В IV т. того же издания Каллаш уже относит письмо к 1789 г. (комедия датируется им справедливо 1787—1788 гг.).